

И.В. Гетьман-Павлова

Доцент кафедры
международного
частного права
факультета права
Государственного
университета —
Высшая школа
экономики, кандидат
юридических наук

Наука международного частного права: теория статутов Бертрана д'Аржантре¹

Статья посвящена знаменитому французскому ученому Бертрану д'Аржантре (1519—1590 гг.), который в литературе международного частного права считается основоположником «классической» теории статутов. В работах д'Аржантре впервые было сформулировано деление всех законов на личные, реальные и смешанные статуты. В то же время ученому не удалось выработать каких-либо универсальных критериев для разрешения проблем конфликтного права. Его теория не отличается целостностью и последовательностью. Несмотря на это, впоследствии концепция д'Аржантре была востребована в законодательстве многих стран Западной Европы XVIII—XIX вв.

Ключевые слова: д'Аржантре; теория статутов; смешанные статуты; бретонский комментатор; международное наследственное право; статутари; бартолисты

Бертран д'Аржантре (Bertrand D'Argenté — 1519—1590 гг.)² — юрист, судья и историк. Родился в Бретани, в знатной дворянской семье, от отца унаследовал должность сенешаля в Рене, занимал важный административный пост. «Выдающийся ученый Бретани»³, «несомненно, большой мастер юридического стиля»⁴ и при этом — «грубоватый бретонский чиновник»⁵, рассуждавший «со свойственной ему прямолинейностью»⁶. В 1570—1575 гг. д'Аржантре принимал участие во второй редакции бретонских кутюмов и составил к ним полный комментарий. «Коммента-

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0032 «Становление и развитие науки международного частного права» выполнен при поддержке Программы «Научный Фонд ГУ ВШЭ».

² Эти годы жизни фигурируют в подавляющем большинстве источников. См., напр.: Брун М.И. Домициль в гражданском и в конфликтном праве. Пг., 1916; Брокгауз и Эфрон. Энциклопедия. Электронная версия; Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. СПб., 1900. Однако М.И. Брун в другой своей книге указывает иные даты — 1518—1593 гг. См.: Брун М.И. Международное частное право: Курс, читанный в Московском коммерческом институте, 1910/11. М., 1911.

³ Вольф М. Международное частное право. М., 1948.

⁴ Луц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. М., 2002.

⁵ Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. Пг., 1915.

⁶ Брун М.И. Домициль в гражданском и в конфликтом праве.

рии к кутюмам Бретани» (впервые напечатан в 1584 г.) — наиболее известный труд д'Аржантре, в котором автор изложил собственную теорию конфликтного права.

Конфликтное право Франции XVI в. — это интерлокальное право, межгосударственным коллизиям еще не было места. Д'Аржантре не интересовался международными коллизиями, он даже не ставил себе цели создать общезападные коллизионные принципы. По мнению Т. Бендевского, у д'Аржантре обычное право — это «тыл», что означает практически абсолютный территориальный характер всех обычаев (кутюмов)⁷.

Как все его предшественники, д'Аржантре касается вопросов коллизий законов «мимоходом», комментируя ст. 218 сборника кутюмов Бретани (шестая глосса). Однако в комментариях д'Аржантре теория конфликтного права получила настолько законченную и отчетливую формулировку, что за ним прочно утвердилось звание родоначальника «теории статутов», господствовавшей почти до середины XIX в. и частично воспринятой современным законодательством и судебной практикой.

Рассуждая о коллизиях кутюмов, д'Аржантре начинает свое исследование с суровой и жесткой критики итальянской доктрины — нужно отбросить все, что написали схоластики, которые больше терзали римское право, чем объясняли его. Они совершали такие ошибки, которых должны бы стыдиться дети⁸. «В их разнообразных определениях, сентенциях, казусах нельзя ничего понять... Связать, сравнить, примирить все то, что написано в связи с Конституцией о Св. Троице, нет возможности, и потому из всех рассуждений схоластиков следует оставить только то, что усвоено судами, как согласное с ее практикой»⁹. Таким образом, поскольку теория бартолистов слишком сложна для восприятия, нужно вообще отказаться от ее изучения и применения. Руководствоваться необходимо прежде всего судебной практикой, которая у д'Аржантре является основным и самодостаточным источником права.

Данная сентенция вызывает справедливую иронию у М.И. Бруна: «В переводе на другой язык это значит следующее: суды не хотят или не могут разбираться во всех тонкостях вопросов; но проще сказать, что литература говорит вздор, чем соизнаться в своем бессилии или в умственной лени. Поэтому суды рубят топором там, где нужно употреблять речь. Д'Аржантре это одобряет, так как ему кажется, что то, чего он не понимает, или вообще непонятно или не стоит понимания»¹⁰. На самом деле у д'Аржантре не было никаких оснований смотреть на бартолистов свысока и априорно отвергать их учение. Прежде всего, говоря о реальных и личных статутах¹¹, он постоянно пользуется терминологией бартолистов. Самое же главное заключается в том, что собственная теория д'Аржантре была наследием схоластики: он выводил конфликтные нормы из понятия реального и личного статутов.

⁷ Бендевский Т. Международное частное право. М., 2004.

⁸ Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. СПб., 1900.

⁹ Цит. по: Брун М.И. Очерки истории конфликтного права.

¹⁰ Там же.

¹¹ Правда, термин «статут» д'Аржантре употребляет не в специфически итальянском смысле, а как понятие, тождественное с «обычаем», «кутюмом», «законом». В его «Комментариях» термин «статут» впервые в литературе конфликтного права употребляется именно в этом смысле. Кроме того, у д'Аржантре термин «статут» в определенной степени имеет значение «футляра» для законов сходного содержания.

Д'Аржантре изложил свою конфликтную теорию в связи с бретонским кутюмом о дарении. Кутюм разрешал дарить, минуя законного наследника, не более одной трети всего имущества, т.е. всякий человек, находящийся в здравом уме, может подарить треть своего имущества любому другому лицу. Возник вопрос: какое имущество нужно принимать во внимание при исчислении размеров этой трети — только то, которое даритель имел в Бретани, или и то, которое ему принадлежало в других провинциях, где действуют другие кутюмы? Пытаясь ответить на этот вопрос, д'Аржантре формулирует общие положения своей теории, ссылаясь при этом на «бесспорную обычную практику». Если речь идет о недвижимостях, лежащих в разных местах, и возникает спор, по какому закону определяется право собственности, то применяется закон места нахождения недвижимости (реальный статут). В каждом месте должны соблюдаться свои законы; ничто не имеет власти, кроме закона территории. В договорах, завещаниях и любых других сделках о недвижимости никто путем частного соглашения не может распорядиться вопреки закону места их нахождения. Сказанное относится исключительно к недвижимостям.

Иное следует сказать о праве лиц и о движимостях — здесь управляет закон домицилия (личный статут). В отношении движимого имущества д'Аржантре воспринял точку зрения, сформулированную в обычном праве Бретани в начале XIV в.: «Движимое имущество следует за лицом»¹². Право лица, его способность к совершению гражданских актов определяются судьей, которому принадлежит юрисдикция в месте жительства, потому что лицо ему подвластно. Куда бы лицо ни переехало, всюду будет иметь силу то, что о нем постановил судья его домицилия¹³. Поэтому для определения компетентности территориальной власти очень важно знать, чего касается постановление статута — вещи или лица.

Кроме того, существует третий разряд, необходимый для тех постановлений, которые говорят о вещах и о лицах, но в которых соображения о вещах важнее. Третий разряд статутов — смешанные — нужен и для того, чтобы отличить личный статут от реального. Когда речь идет о переходе собственности, то соображение о лицах отступает назад, и одерживают верх местные статуты о вещах. Для того чтобы считать статут личным, нужно, чтобы он нисколько не касался вещи. Если постановлено, что «лицо моложе 20 лет признается малолетним», то это статут личный; если же постановлено, что «малолетний не может отчуждать недвижимостей на территории статута», то это статут смешанный.

Д'Аржантре разбивает все статуты на три группы и дает примеры для их пояснения¹⁴.

1. Личные статуты (в которых главным образом говорится о праве, состоянии и свойстве лиц, без всякого отношения к реальной материи; они преимущественно и независимо от всякой вещной примеси регулируют права и положение лиц):

- о наступлении совершеннолетия и способности распоряжаться своим имуществом в 20 лет (статут Бретани);
- о наступлении совершеннолетия и способности распоряжаться своим имуществом в 25 лет (статут Парижа);

¹² Вольф М. Указ. соч.

¹³ Мережко А.А. Наука международного частного права: история и современность. Киев, 2006.

¹⁴ Брун М.И. Очерки истории конфликтного права; Мандельштам А.Н. Указ. соч.

- о воспрещении замужней женщине заключать договоры;
- о воспрещении подвластным детям вступать в обязательства;
- об ограничении права расточителя управлять своим имуществом.

2. Реальные статуты:

- о разделе наследства поголовно или поколенно;
- о размере имущества, которое можно подарить помимо законных наследников;
- о запрещении женам делать завещательные отказы в пользу мужей;
- о запрете дарений между супругами.

3. Смешанные статуты:

• при разделе имуществ принимается во внимание сословная принадлежность — крестьяне делят дворянские имения поровну, а дворяне крестьянские — поколенно.

Для д'Аржантре не подлежит сомнению, что в реальных и смешанных статутах место нахождения недвижимостей настолько важно, что их можно обсуждать только по законам территории. Если кто-либо имеет недвижимости в разных территориях, где господствуют разные законы, то приобретение и переход этих недвижимостей подлежат действию разных законов, «как если бы они принадлежали не одному, а разным лицам». «Когда человек дарит треть своего имущества, то он имеет в виду закон Бретани... а не чужой закон, которого он часто и не знает; поэтому нечего зачислять наследнику те имущества, которые даритель имеет в другой провинции... Это значило бы... запускать при расчете свою косу в чужой урожай»¹⁵.

Реальные и смешанные статуты не имеют никакого применения вне своей территории. Всякий властитель вне пределов своей власти есть лицо частное; где кончается власть, там кончается и юрисдикция. Статуты вне ее никого устрашать не могут. Интересно подчеркнуть, что д'Аржантре выводил термин «territorium» из «terreri» — устрашать, запугивать. Он понимал территориальность именно в этом смысле — территориальный характер имеют те нормы, которые не допускают применения вместо них иностранного права. «Это нормы-«буки», отпугивающие всякие чужие нормы»¹⁶. В представлении д'Аржантре все нормы прежде всего территориальны, т.е. хотят господствовать единолично. Если они уступают место действию иноземных норм, то это имеет место только в виде исключения.

Иначе дело обстоит с личными статутами. Экстерриториальность личного статута — общая точка зрения. Однако согласно д'Аржантре «повсеместное, т.е. вне своей территории, значение личный статут может иметь только тогда, если он определяет личное состояние в целом» (например, объявляет лицо расточителем, ошельмованным, отлученным от церкви)¹⁷. Статуты, не определяющие состояния личности в целом, — это отнюдь не личные статуты (они только «по видимости личные»). Это смешанные статуты, которые вне своей территории не выступают. Д'Аржантре приводит примеры таких статутов:

- статут, в силу которого убийца не может наследовать убитому;
- статут, по которому дочь, получившая приданое, не наследует в остальном имуществе;
- статут, по которому отец отвечает за проступки сына.

¹⁵ Цит. по: Брун М.И. Очерки истории конфликтного права.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Д'Аржантре как всякий «благоразумный человек»¹⁸ осознает необходимость во имя общего блага поступаться правилом о реальности кутюмов. Он признает, что не все кутюмы имеют реальный характер, а есть и личные кутюмы, и их экстерриториальность воплощена в судебных решениях.

Д'Аржантре никак нельзя объявлять апологетом «феодалной раздробленности в праве» и безусловным сторонником сохранения феодальных привилегий. Он никогда не утверждал абсолютное превосходство местного права, не предлагал в сомнительных случаях всегда использовать *lex fori*¹⁹. Наоборот, общая мысль его концепции — охрана субъективных прав, приобретенных на основании иностранного закона.

Д'Аржантре утверждает, что статут, лишаящий дочь, получившую приданое, права наследования в имуществе отца, не является личным статутом, т.е. не распространяется на имущество, находящееся за границей. По мнению М.И. Бруна, здесь д'Аржантре только подчеркивает, что статут не может лишить лицо его права, благоприобретенного по закону чужой территории. Любые ограничения субъективных прав возможны исключительно по местному праву; иноземные ограничения не могут приниматься во внимание. Даже у убийцы нельзя отнять право, которое принадлежит ему по чужому статуту. Если сын совершил проступок в чужой стране, где закон не делает отца за это ответственным, нельзя ссылаться на закон страны, где отец постоянно живет. Потерпевший не может основывать свое право требования на законе, который не действует в стране, где ему причинен ущерб. Таким образом, любое субъективное право имеет свое основание в определенном объективном правопорядке.

До д'Аржантре ученые различали две категории статутов: личные и реальные; он ввел третью категорию — смешанные. В группу смешанных статутов д'Аржантре включил все «сомнительные законы» (одновременно постановляющие и о вещах, и о лицах) и с точки зрения сферы действия причислил их к реальным статутам. В итоге и в его теории остались все те же две группы законов, предложенные итальянцами-постгlossаторами, которых сам д'Аржантре постоянно высмеивал, подчеркивая свое несогласие с их построениями. Кстати, по мнению Д.П. Никольского, тройственное разделение действующего законодательства на личные, реальные и смешанные статуты было подготовлено Бартоло да Сассоферрато в его Комментарий на первый титул первой книги Кодекса Юстиниана²⁰. Сама идея установить третью группу статутов принадлежит не д'Аржантре; он только сформулировал ее прямым и непосредственным образом. Бартоло не употреблял термин «смешанные статуты»; д'Аржантре постоянно обращается к этой конструкции. В его трудах разделение статутов на три группы было окончательно утверждено.

Л.А. Лунц отмечал, что категория смешанных статутов, фигурирующая у д'Аржантре, является подсобной и по составу довольно неясной²¹. А.Н. Макаров подчеркивал, что д'Аржантре создает новую категорию статутов, но практического значения эта категория не получает: раз закон, хотя бы частично, трактуется о недви-

¹⁸ Брун М.И. Очерки истории конфликтного права.

¹⁹ Meili F. Die neuen Aufgaben der modernen Jurisprudenz. Wien, 1892.

²⁰ Никольский Д.П. Международное право. СПб., 1903.

²¹ Лунц Л.А. Указ. соч.

жимости, он разделяет судьбу реальных статутов²². Действительно, с точки зрения конфликтного права, смешанные статуты по своему действию ничем не отличаются от реальных и по сути относятся к этой категории. Совершенно справедливо утверждает А.А. Мережко, что главная проблема теории статутов в интерпретации д'Аржантре состоит в том, что в реальной жизни все законы так или иначе касаются и лица, и вещи, т.е. являются смешанными статутами²³. Все это так, но последующая практика показала необходимость дополнения двух групп законов третьей категорией, особо выделенной именно д'Аржантре. Впоследствии содержание этой категории изменилось; под смешанными статутами стали понимать в основном законы о форме юридических действий. С начала XIX в. и до настоящего времени все авторы, упоминающие о теории статутов, пишут о реальных, личных и смешанных статутах, т.е. употребляют деление, предложенное д'Аржантре, и пользуются его терминологией. Этот ученый, а за ним и другие приверженцы теории статутов выдвинули всеобъемлющую трехчленную классификацию норм права по признаку их прикрепленности к вещам, к лицам и как к вещам, так и к лицам²⁴. В.П. Звеков даже называет понятие «смешанный статут» коллизионным принципом²⁵. В связи с этим конструирование смешанного статута, безусловно, следует считать серьезным вкладом д'Аржантре в развитие МЧП.

Однако сами по себе смешанные статуты не представляли для д'Аржантре серьезного интереса (возможно, не в последнюю очередь потому, что он сам не мог определить их точного содержания). Наибольшее внимание ученого, выросшего на феодальной почве, привлекают реальные статуты и коллизии с недвижимостями. Международное наследственное право представляет собой «твердыню принципа бретонского комментатора». Кстати, позиция д'Аржантре по данному вопросу впоследствии получила наиболее существенное значение. Его мнение было воспринято не только английским и англо-американским правом (не принимавшим римского понятия об универсальном правопреемстве), но даже в тех странах, которые в своем внутреннем законодательстве следовали римским принципам наследования (например, Франция, Бельгия, Австрия)²⁶.

По мнению П. Каленского, д'Аржантре полностью отрицал автономию воли сторон. Реальные статуты управляют недвижимостями во всех отношениях — как в вещных, так и в обязательственных²⁷. Такая оценка представляется слишком резкой и односторонней — д'Аржантре безусловно признавал автономию воли сторон в договорных обязательствах, признавал ее экстерриториальную силу и возможность выбора иностранного права в договорах о недвижимости. А.Н. Манделштам

²² Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М., 1924.

²³ Мережко А.А. Указ. соч.

²⁴ Теоретические основы взаимодействия национальных правовых систем / отв. ред. В.П. Монолин. М., 1984.

²⁵ Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М., 2007. О теории статутов см., напр.: Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1899; Иванов Н.П. Основания частной международной юрисдикции. Казань, 1865; Люблинский П. Коллизия // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 24; Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. СПб., 1878; Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1859; Раане Л. Международное частное право. М., 1960; Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.

²⁶ Вольф М. Указ. соч.

²⁷ Kalensky P. Trends of private international law. Prague, 1971.

(убежденный противник автономии воли в МЧП) даже упрекает французского ученого в непоследовательности, когда тот признает экстерриториальную силу выраженной воли частных лиц: «Кажется странным, что его феодальный гений допускает влияние иностранного договора на туземную недвижимость»²⁸. В связи с этим нельзя характеризовать д'Аржантре только как феодала и защитника местных привилегий. Прежде всего он был очень талантливым ученым (хотя и политически ангажированным). В большинстве случаев талант и разум одерживали верх над идеологией, и в итоге учение д'Аржантре послужило прогрессивному развитию науки МЧП.

Д'Аржантре признавал автономию воли сторон в обязательственных отношениях, но только в том случае, если она имела явно выраженный характер. «Молчаливую», «подразумеваемую» волю частных лиц и ее экстерриториальный характер ученый прямо и недвусмысленно отрицал. Кроме того, выбор права сторонами возможен далеко не во всех обязательственных отношениях, и далеко не каждый договор может иметь внесемельную силу. Большинство исследователей отмечают, что личные статуты для д'Аржантре не равноправны с реальными, а представляют собой исключение из правила; смешанные статуты только расширяют группу реальных статутов; личные статуты всегда должны пониматься ограничительно²⁹. Однако личные статуты в очень большой степени привлекают внимание ученого. Его вклад в развитие понятия «личный статут» ничуть не меньше его роли в исследовании международного наследственного права.

У д'Аржантре впервые в науке МЧП четко сформулировано положение, что состояние и способность каждого лица должны обсуждаться по закону его domicilio. Ученый твердо уверен, что у лица не может не быть domicilio хотя бы потому, что у всякого человека есть *прирожденный* domicilio (domicile по происхождению). Во французском юридическом языке этот термин появился в конце XVI в., возможно, его ввел в оборот именно д'Аржантре. Д'Аржантре решительно противопоставляет domiciles по происхождению и фактический domicile; для него юридическое значение имеет только место постоянного жительства: «Место происхождения не принимается во внимание судом, если известен друг domiciles»³⁰. Для того чтобы domicile по происхождению мог иметь значение в суде или где-либо еще, он должен быть доказан документально.

Д'Аржантре категорически утверждает («со свойственной ему прямолинейностью»), что для признания наличия domicilio нужно одновременное соблюдение двух условий: фактическое (телесное) пребывание и волевое намерение пребывать: «Нет намерения без факта, нет факта без намерения»³¹. Впоследствии непереносимое соединение обоих условий императивно требовалось юристами разных времен и стран; это требование присутствует в современной практике англо-американских судов. При этом старое французское право допускало двойной domicile, и д'Аржантре также писал, что можно иметь domiciles в двух местах.

²⁸ *Мандельштам А.Н.* Указ. соч.

²⁹ *Брун М.И.* Международное частное право; *Нольде Б.Э.* Указ. соч.; Международное частное право: современные проблемы / отв. ред. М.М. Богуславский. М., 1994.

³⁰ Цит. по: *Брун М.И.* Domicile в гражданском и в конфликтном праве.

³¹ Там же.

По мнению д'Аржантре, с точки зрения конфликтного права и право-, и дееспособность должны регулироваться по закону домицилия, который имеет экстерриториальное действие. Характерно, что ученый ничего не говорит о случаях, когда личный статут дает лицу большую правоспособность, чем местный закон. Д'Аржантре приводит примеры: если статут лишает убийцу права наследования в имуществе убитого, то это не касается имуществ, находящихся за границей. Такие ограничительные статуты строго территориальны; специальные ограничения правоспособности из своей территории не выступают. В противовес этому общие ограничения правоспособности имеют экстерриториальный характер: «Лицо, так или иначе отмеченное законом домицилия, остается с этой отметкой навсегда и не может разделаться с нею, сколько бы оно ни меняло местопребывание. Бесчестие, основанное на законах домицилия, следует за обесчещенным в любое место: интердикт всюду следует за расточителем»³².

Точно так же дееспособность делится на общую и специальную. В сфере влияния личного статута находятся права, касающиеся общей дееспособности. Д'Аржантре требовал, чтобы личный статут касался всего состояния лица без всякой вещной примеси. А.Н. Мандельштам утверждает, что ложность этого критерия отражается в той пестроте определений личного статута, которые предложены «бретонским комментатором». Однако общая дееспособность всегда может быть разложена на особенные, из суммы которых она состоит; каждое юридическое положение можно выразить в форме дееспособности или недееспособности лица на совершение какого-либо акта³³. По теории д'Аржантре получается, что каждый личный статут легко может быть превращен в смешанный, т.е., по сути, в реальный.

Однако эти построения не имеют отношения к вопросу о договорной дееспособности. Об этой способности д'Аржантре пишет: «Всякий раз, когда спрашивают о ней, следует справляться в законах домицилия, ибо для всякой личной сделки компетентен судья, которому лицо подвластно... Никогда статуты ничего не постановляют об этой способности лица, им не подвластного... Если парижский гражданин хочет договориться об имуществе, которым он владеет в Бретани, то он должен подождать 25-летнего возраста, потому что таков статут парижан, хотя Бретань объявляет своих жителей совершеннолетними в 20 лет»³⁴. Современное общее правило «дееспособный на родине — дееспособный везде» находится в полном противоречии с его теорией. Здесь необходимо иметь в виду, что коллизии договорных обязательств — вообще «слабое» место в доктрине д'Аржантре.

Покушение на территориальный суверенитет кутюма д'Аржантре сравнивал с покушением на кражу; «стремление кутюма выйти за свои территориальные пределы он считал узурпацией»³⁵. Но отстаивая принципы, направленные на укрепление независимости Бретани, он исходил из концепции суверенитета. В связи с этим понятно, почему доктрина д'Аржантре имела свой первый успех не во Франции, а в Нидерландах XVI в. В этой стране д'Аржантре был объявлен «главным учителем права»³⁶. В трудах голландских ученых, представлявших развитую прогрессивную

³² Цит. по: Брун М.И. Право- и дееспособность физического лица в конфликтном праве. М., 1915.

³³ Мандельштам А.Н. Указ. соч.

³⁴ Там же.

³⁵ Брун М.И. Международное частное право.

³⁶ Луиц Л.А. Указ. соч.

буржуазию, территориальная доктрина д'Аржантре полностью трансформировалась в доктрину суверенитета и была использована как орудие борьбы от иностранного вмешательства, против идеологии феодального окружения. Конечно, сам ученый никак не мог рассчитывать на подобную реализацию своих воззрений. Весьма возможно, что он и не поддерживал борьбу голландских провинций против Испании. Однако факт остается фактом: учение феодала д'Аржантре спустя 100 лет было использовано в борьбе с феодальной реакцией.

Д'Аржантре был прежде всего практическим юристом, поэтому он сам прекрасно осознавал недостаточную аргументированность своих положений и допускал, что его принципы имеют весьма относительную цену. Тем не менее, он не отказывался от исследований и поиска справедливых решений. В его представлении все нормы территориальны, т.е. хотя и господствовать одни; но при этом главная мысль его трудов — забота о сохранении благоприобретенных за границей субъективных прав. Точно так же, как все его предшественники и последователи, д'Аржантре руководствовался высокой идеей: содействовать «общечеловеческому единению, пробивая при помощи личного статута бреши в твердых территориальности»³⁷. Не в последнюю очередь и его труды подготовили то представление, которое возобладавало в современном мире, — государственная власть не должна видеть умаления своего авторитета в применении на ее территории иностранных законов.

Контактные данные автора: 8-916-524-48-74

e-mail: getmanpav@mail.ru

³⁷ Брун М.И. Очерки истории конфликтного права.